

Наумова Г. И.

УЛИЦА ДОСТОЕВСКОГО, ДОМ 9

Впечатления детства, юности – самые яркие, они остаются на всю жизнь и в значительной степени формируют человека. Взрослый, мудрый А. С. Пушкин написал: «Куда бы нас не бросила судьбина / И счастье куда б ни повело, / Все те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам Царское село». Мое отечество – наш прекрасный город, а его эпицентр – дом № 9 по улице Достоевского.

Эта не длинная улица – всего 730 метров – появилась на карте Петербурга в 1762 году за рекой Фонтанкой, на левом берегу которой отвели земли дворцовым служителям и служащим Дворцовой канцелярии. В Петербурге селились по национальному либо профессиональному признакам, и улицы в этих слободах назывались: Кабинетская, Парусная, Поварская, Басманная (басманы – хлебы для Двора) и т. п.

До 1776 года улица называлась Скатертной, затем, более ста лет, – Гребецкой. В 1858 – 1859 годах вышли указы о переименовании одноименных улиц Петербурга, а у нашей были тезки в других частях города; и с 1871 года она – Ямская (по расположенной неподалеку Ямской слободе), а с 1915 года – улица Достоевского. В 1971 году, к 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, в доме, где писатель жил дважды, – на углу улицы Достоевского и Кузнечного переулка – открылся литературно-мемориальный музей.

Население улицы определялось расположенными рядом Кузнечной, Свечной, Ямской слободами – привилегированная публика жила в других частях города. Во второй трети XIX века частный промышленный капитал стал играть значительную роль, и в 1870-х годах на тогда уже Ямской улице появилось механическое предприятие Курта Зигеля, владельца мастерских и торговли. Архитектор И. С. Китнер, один из основоположников «кирпичного стиля», применяя различные размеры и формы кирпича (лекальный, фигурный), нашел интересные решения отделки фасадов промышленных зданий Зигеля (ул. Достоевского, дома №№ 40, 42, 44) и жилого дома, расположенного на участке Цигелей со стороны ул. Марата (д. 63). Улица Достоевского – своеобразная летопись петербургской эклектики – архитектурного стиля, сложившегося во второй половине XIX века. Увидим мы на ней и здания в стиле модерн, сменившем эклектику на рубеже XIX – XX веков.

Итак, улица Достоевского, дом 9.

Это мой дом – дом, в котором жили три поколения моей семьи, в котором я родилась, выросла и который мне очень дорог и навсегда любим.

Быстро меняется наша жизнь во всех ее проявлениях: условия жизни, техника, предметы обихода. То, как жили тридцать-сорок лет назад, кажется странным, удивительным: неужели так было? Поэтому и захотелось рассказать о моем доме и о том, как в нем жили в 50 – 60-е годы двадцатого века, когда люди уже летали в космос, а город наш назывался Ленинград.

Таких домов в нашем городе немного. Огромный – он занимает целый квартал – выходит дом одновременно на три улицы и имеет три адреса: ул. Достоевского, д. 9; ул. Малая Московская, д. 7/9; Свечной пер., д. 8/9. Каждый

называет тот адрес, какой нравится, хотя официальный – по улице Достоевского. А можно и по-другому: дом, в котором Ямские бани.

28 апреля 1858 года был утвержден проект двухэтажного флигеля каменного четырехэтажного дома на подвалах (арх. А. А. Зацкий), а в 1859 году был разработан проект прокладки труб для бань. Фасады лицевого корпуса сохранились до наших дней без существенных изменений. В 1890-х годах владельцем дома стал потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии Иван Дмитриевич Шустров, торговавший рыбой и имевший в разных частях города десять доходных домов.

После 1917 года в ставшие коммунальными квартиры огромного доходного дома с флигелем поселили так называемый «простой народ» – рабочих, грузчиков, лифтерш из «Астории», сапожников, уборщиц и т. п. И семьи этих людей прожили здесь десятилетия, не по одному поколению.

В Великую Отечественную войну дом не пострадал, но своеобразным памятным знаком этого времени стал инвалид войны, одноногий дядя Никита, который каждый день, за редким исключением, почти полную рабочую смену стоял на своих костылях у парадного входа в дом со стороны ул. Достоевского. В дом были еще входы со Свечного переулка и с Малой Московской улицы. Но рядом с парадным, дверь в дверь, был вход в бани, поэтому этот «пост» был для дядя Никиты местом общения как с жильцами дома, которые все его знали, так и с посетителями бани, с которыми за папироской можно было обсудить всевозможные проблемы.

Бани занимали весь первый этаж нашего дома со всех трех его сторон. Потолки этажа были сводчатыми, невысокими, но сами помещения довольно обширными. Левая половина бань – вдоль улицы Достоевского и Свечного переулка – была женской, а правая – вдоль улицы Достоевского и Малой Московской – мужской. Главный вход в бани, как уже говорилось, был посередине дома со стороны улицы Достоевского. В каждую половину были еще входы и со двора – бани были проходными.

Горячую воду в бани подавали через кочегарку, прилепившуюся к дворовому флигелю. Во дворе нашего дома всегда были огромные кучи угля и обгоревшего шлака; около них, выходя покурить, сидели закопченные кочегары, ярко иллюстрируя определение «грязный, как кочегар». И еще во дворе всегда было очень много бочек, в которых привозили для банного ларька пиво, квас, клюквенный морс, очень любимый женщинами и детьми. У нас, дошколят, эти бочки и угольно-шлаковые кучи были участниками наших игр.

Детей в доме было довольно много. Наша детская компания была дружной: так получилось, что разница в возрасте у нас была не более пяти лет. Общались постоянно, тесно, даже тогда, когда пошли в школу, расположенную совсем рядом – на углу Малой и Большой Московских улиц. Старшие у всех работали, далеко не у всех были бабушки (дедушки – просто редкость: недавняя война постаралась), и дети, предоставленные после школы самим себе, воспитывались во дворе и двором.

Первые телевизоры появились в нашем доме во второй половине пятидесятых годов, были они редкостью, и «на телевизор» к тем, у кого он был, приходило порой столько «бестелевизорных» соседей по дому, что сидели на коленях друг у друга.

Особенностью нашего дома было и то, что росли дети не только во дворе, но и в коридорах – в доме была «коридорная система». Коридоры эти были закрытыми галереями с огромными овальными окнами, и они опоясывали дом со стороны двора по каждому этажу. В коридоры жилых этажей выходили двери квартир и окна

комнат, в которых было полутемно – ведь окна почти всегда были плотно занавешены, так как жизнь за ними в противном случае была бы у всех на виду. По этим длинным коридорам дети не только носились, изобретая всевозможные игры, разбивая стекла и спасаясь от возмездия бегством, но и гоняли наперегонки на велосипедах, которые были далеко не у всех. Образовывалась очередь из желающих поката́ться, заискивающе выпрашивающих такую возможность у снисходительно-гордого владельца.

В коридоре первого этажа стояли огромные банные диваны, на которых посетители бань ожидали очереди на помыв. Порою сидячих мест не хватало, особенно по субботним вечерам, и люди стояли вдоль коридоров перед соответствующим классом. Сквозь окна было видно, сколько в бане народа, и жильцы дома на своих этажах прикидывали: не надо ли поспешить, чтобы попасть до закрытия.

Двор и коридоры науку практической жизни во всех ее проявлениях доносили до нас, детей, подробно и без малейших усилий, в отличие от некоторых домохладцев.

В пятидесятые – шестидесятые годы основную часть населения нашего дома составляли пролетарии: рабочие, грузчики, ткачихи, вахтеры, сапожники, уборщицы, водопроводчики, шоферы и т. п. Представители других профессий попадались не часто: учителя, музыканты оркестра, инженеры с какого-то номерного завода, бухгалтеры, фотограф, секретарь суда. Были и примечательные личности.

Жила в доме пьяница-воровка, основным источником существования которой был близлежащий Кузнечный рынок, где она и промышляла, воруя продукты. Где-то она работала, дежуря сутками, а в остальное время или пила-гуляла, или воровала. Никто в доме иначе, как воровкой, ее не звал, имя ее не называлось. Но почему-то неблагоприятная эта деятельность не вызывала гневного осуждения взрослых, а спокойно воспринималась как любое другое занятие. Пролетарской нашей публикой почти не осуждалось и пьянство вне стен своего жилища, хотя пили много, часто – даже женщины.

Другая примечательная личность в нашем доме – тетя Оля Данченко. Она была «старой девой», человеком глубоко верующим, строго и последовательно совершала все религиозные отправления, соблюдала посты, регулярно посещала церковь. Нам, детям, воспитываемым советской школой в духе воинствующего атеизма, это было непонятно, вызывало желание объяснить ей материалистическое устройство жизни – мы считали ее неграмотной. Когда однажды во время болезни к ней приходил врач, мы потом пытали ее: почему она обращается к врачам, а «всемогущий бог» ее не может вылечить? Она терпеливо сносила нашу «воспитательную работу», прекрасно все понимая. Работала тетя Оля сторожихой на шахте строящегося метрополитена, которая была в соседнем дворе снесенного дома № 6 по Свечному переулку. Днем и ночью у ворот огражденной стройплощадки гудели грузовики, отвозившие вынутый грунт, а тетя Оля открывала и закрывала ворота. Когда в 1953 году открылось движение на метрополитене, в первые дни его работникам дано было право проходить в метро бесплатно и бесплатно проводить с собой ребенка. И не держа на нас обид (дети малые, неразумные), она терпеливо, по несколько раз каждого, водила нас поката́ться на метро. Конечно, бесплатно.

Тех дошколят, у кого были бабушки, иногда водили к причастию в немногие действующие в городе церкви – обычно раз в год, в день рождения, особо не афишируя это событие. Мы мало что выносили для себя из таких эпизодических полутайных посещений, а в школьные годы часто сопротивлялись этим попыткам, помня школьную науку.

Вырастая в общей атмосфере одного дома, будучи учениками одной школы и одних и тех же учителей, мы все выросли абсолютно разными, похожими только в одном – в привязанности к дому своего детства.

Жизнь взрослых была наполнена каждодневным трудом на производстве, о котором мы, дети, знали немного. А вот быт протекал у нас на глазах.

Коммуналки в нашем доме были средней величины, а отдельных квартир – по пальцам пересчитать. Их жильцы держались как-то особняком, а жильцы коммуналок смотрели на них с определенной завистью (отдельная квартира – недостижимое счастье). От взрослых мы узнавали, что в нашем доме живут татары, евреи, поляки, финны, еще какие-то люди, и они как-то отличаются от нас, русских. На нашем детском общении эти знания никак не отражались. В коммуналках то конфликтовали, то группировались и перегруппировывались по отдельным событиям или поводам, но все мгновенно становилось известно всему дому – как хорошее, так и плохое.

Бытовые удобства были минимальными. Газификация города началась после войны в конце сороковых годов. Раз в месяц по квартирам ходила женщина, снимающая показания газовых и электрических счетчиков, она же выписывала квитанции на оплату использованного газа и электроэнергии.

Ванных комнат в квартирах не было, не было горячей воды и центрального отопления. Обогревались печами, стоявшими в каждой комнате. Круглые печки-голландки топились дровами, которые запасали с осени на всю зиму. Купленные бревна и чурбаки привозили и сваливали на улице прямо на тротуар, под окна подвалов дома. Эту древесину надо было распилить и расколоть, потом забросить через окна в подвалы и там сложить в поленицы. Вход в подвалы был со стороны двора, и были они выше человеческого роста. Каждый подвал занимали иногда две-три квартиры, реже – одна. Он закрывался на замок, и единственный ключ, во избежание кражи дров, хранился у ответственного жильца. Тот, кто сам не мог распилить и расколоть дрова, обращался к услугам пильщиков и кольщиков, которые в сезон заготовки дров собирались со своим инструментом у часовни Владимирской церкви со стороны Кузнечного переулка, – здесь была их своеобразная биржа. В нашем районе спрос на них был велик.

Как подвал был разделен на отсеки, так и чердак дома состоял из нумерованных отсеков с отдельными, закрывающимися на замки входами. Так же у кого-то одного был ключ – на чердаках сушили выстиранное белье. Но кражи все же случались.

Публика в доме была небогата. Послевоенные семьи порой были женскими – старухи, женщины, дети. Их доходы не обеспечивали достатка, поэтому во многих комнатах нашего дома, помимо хозяев, проживали «угловые жильцы» – студенты, бессемейные военные, снимавшие «угол», а фактически – спальное место, за невысокую плату.

В семьях, переживших войну и блокаду Ленинграда, велико было почтение к хлебу, невольно передававшееся и послевоенным детям. Хлеб жильцы нашего дома покупали в булочной напротив – в доме № 22 по улице Достоевского, которую пожилые люди упорно продолжали называть Ямской. Булочная там и по сей день, она очень маленькая. А тогда хлеб привозили в нее в ларе (контейнере по-нынешнему), поставленном на телегу, запряженную довольно худосочной лошастью. В специальных фургонах хлеб в нашу булочную стали возить лишь с начала шестидесятых годов.

Рядом с булочной, через парадную, находилась «керосинная», понынешнему – хозяйственный магазин, где, кроме всего прочего хозяйственного товара, продавался в розлив керосин. Во многих семьях долго еще сохранялись керосинки (до газификации они заменяли плиты), ими пользовались еще какое-то время, а потом они перекочевали на дачи.

Напротив дома, на углу Свечного переулка и улицы Достоевского, много лет стоял пивной ларек. Старушки говорили, что стоял он здесь и в тридцатые годы. Торговали в нем пивом и водкой. Соседка-бабушка рассказывала, как уходя на работу, запирала входную дверь комнаты и уносила с собой ключи, оставляя в закрытой комнате за работой мужа-сапожника, который пил «как сапожник». Возвращаясь, она часто заставляла его пьяным с невыполненным заказом. Долго секрет «пьяного» источника не продержался – раскрыли соседи. Сапожник окликал у пивного ларька сочувствующих, спускал им с третьего этажа на веревке деньги, а обратно поднимал привязанную бутылку водки. Исчез ларек в конце пятидесятых годов, но каких только сцен мы, дети, как и взрослые, около него ни наблюдали, чего только ни наслушались...

Низко надо поклониться школе № 300, в которой мы учились, ее педагогам (они тоже были разными, но большинство – подвижники), которые очень много нам дали, разбудили во многих интерес к знаниям, показывали к жизни другие пути, которые лежали не через пивнушки.

О войне взрослые говорили мало, скорее, обозначали ею время применительно к содержанию разговора, не вдаваясь в подробности той страшной жизни. Взрослея, мы стали понимать, почему так: слишком сильной была боль, свежа память – недалеко ушли те тяжелые годы.

А в 1965 году наш дом пошел на капитальный ремонт. Стали отселять жильцов. Предлагалось два варианта отселения: либо навсегда – тогда семье предлагалась отдельная квартира в новостройке (если это соответствовало тогдашним нормам), либо временно, с возвращением после ремонта в этот же дом. Жить на период ремонта надо было в маневренном фонде. Жилье это было непригодно по каким-нибудь параметрам (например, сырость) для постоянного проживания, но считалось, что годится для временного. Обычно это были комнаты, чрезвычайно редко – маленькие отдельные квартиры, на первых этажах, порою полутемные, с минимальными бытовыми удобствами. Очень многие старые жильцы через три года вернулись в свой неузнаваемо изменившийся дом, но при этом большинство опять оказались все-таки в коммунальных квартирах, правда, меньших по размеру и с увеличившимся набором бытовых удобств. Исчезли коридоры-галереи. Не стало дворового флигеля – его сломали. Двор расширился, жители посадили деревья, навсегда исчезли кучи угля и шлака – баню теперь топила газовая вновь построенная котельная, хотя в квартирах по-старому стояли газовые колонки. Старой бани не стало – половину дома, все четыре этажа, отдали под новую баню с бассейном. Другая половина, жилая, сохранила после ремонта лишь капитальные стены – все квартиры были построены заново.

Первый этаж жилой половины с его сводчатыми помещениями бывшей бани отошел под магазин похоронных принадлежностей и архив бюро ЗАГС, что вначале вызвало у некоторых неприятные ощущения. И напрасно: торговля в магазине велась по образцам и специфический товар ежедневно не отгружали. Раньше маленький магазин под вывеской «Похоронные принадлежности», который перевели в наш отремонтированный дом, находился на Владимирском проспекте рядом с Театром имени Ленсовета (ныне Открытый театр), буквально дверь в дверь, а в

витрине были выставлены образцы продаваемых товаров – гроб и венки. Тогда еще не было торговли по образцам, и неоднократно доводилось видеть, как разгружали гробы и вносили их в магазин в то самое время, когда публика у соседнего входа собиралась к началу спектакля. Соседство более чем неудачное с точки зрения художественных впечатлений.

А на новом магазине в нашем доме вывеска была очень деликатной – «Магазин № 1» – и в витринах были только цветы, даже не венки. Не заглянув вовнутрь, не догадаться было, чем торгует магазин № 1. Мы, жильцы, не испытывали ни малейших неудобств от такого соседства. В настоящее время магазин переведен в другое место, помещения пока пустуют. Что-то придет на смену старой бане и специальному магазину?

А семей, вернувшихся в дом после ремонта в 1968 году, теперь в доме почти не осталось. За прошедшие годы они, разъезжаясь с соседями, меняли свои комнаты в центре на отдельные квартиры в новостройках. В дом вселялись новые люди. Менялась его атмосфера, формы общения, которое сводилось порой лишь к приветствию. Но такое происходило не только с нашим домом – изменялась жизнь...